

А. С. Кравец

ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ ПАРАДИГМА СМЫСЛА*

Все, что делает человек, к чему он стремится, о чем рассуждает, на что надеется или что отвергает, проникнуто смыслом. Смыслом окрашена вся человеческая жизнь, а бессмысленность, абсурд характеризуют трагический разрыв в отношениях между человеком и миром.

Однако вопрос о том, что такое смысл, несмотря на его весьма протяженную историю, до сих пор вызывает острые дискуссии. Осмысление феномена смысла началось еще в античной философии и было продолжено раннехристианскими философами, мучительно размышлявшими над смыслом Священного писания, а затем и средневековыми теологами, озадаченными смыслом Творения. Новое время десакрализовало проблему смысла, опустив его на грешную землю. Истоки смысла ученые начинают искать уже в отношениях между словами и вещами, а также в способах общения людей. Средоточием смысла становится язык в его соотношении с мышлением.

Этимология русского слова “с-мысл” как раз указывает на эту связь. Смысл — это то, что соотносено с мыслью, совместно с мыслью о некотором предмете. Интересно, что английское *sense* (смысл) не имеет подобной коннотации, однако другое слово *meaning* (значение), часто употребляемое как синоним *sense*, связано с глаголом *mean* — означать, иметь в виду, подразумевать. Последнее прямо указывает, что под смыслом понимается то, что имеется в виду, когда говорят на каком-либо языке.

Проблема смысла постепенно ставится на прочную теоретическую основу, с разных сторон разрабатываемую лингвистами (или, как их называли в старину, грамматиками) и логиками. Если лингвисты исследовали обыденный национальный язык, то логики изучали формализованные языки. Можно сказать, что последние исследовали смысл применительно к некоторой идеализированной модели суждения, выражаемой формулой (S — P).

Лингвисты, имея дело с живым языком, обращали внимание на лексические формы выражения смысла, на обилие коннотаций смысла слова в речи, риторические и стилистические особенности языка. Логики изначально полагали смысл терминов

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 03-000-10а

суждения строго предопределенным, а само суждение — осмысленным только в том случае, если оно имеет истинностное значение. Последнее означает, что любое суждение (утверждение или отрицание) может быть либо истинно, либо ложно. Отсюда задачу логической науки они видят в том, чтобы построить формулы (исчисление), которые обеспечивали бы истинность вывода.

В новейшее время стали приходиться к осознанию необходимости объединения совместных усилий лингвистов и логиков в изучении проблемы смысла. При этом лингвисты обнаруживали в логических исследованиях концептуальные основы для анализа естественного языка, а логики постепенно осознавали ограниченность модели формального языка, находя в работах лингвистов аргументы для ее расширения. Появилась даже новая профессиональная ориентация — лингвистические философы, которые в изучении естественного языка прочно опирались на аппарат логики и широкие философские обобщения. Если немецкого философа Г. Фреге, задавшего влиятельную логическую парадигму в изучении смысла выражений естественного языка, еще по традиции называли логиком, то основателя нового направления в философии Л. Витгенштейна неизменно именуют лингвистическим философом.

В развитии концептуальных представлений о смысле исторически сложились три последовательно сменяющих друг друга парадигмы смысла. Первая парадигма — словоцентристская, ее истоки уходят в античность. Свое название она получила в силу того, что за элементарную единицу смысла было принято слово, все остальные смыслы лингвистических выражений (предложение, фраза, текст) рассматривались как производные от смысла составляющих их слов. В словоцентристской парадигме возникло противостояние двух смысловых аспектов слова, приблизительно соответствующих русским словам *обозначение* и *означение*.

Когда имелось в виду обозначение, то считалось, что смысл слова заключается в соотношении его с обозначаемой вещью. То, что слово обозначает (называет), то и является его смыслом. Когда же имели в виду означение, то чаще всего подразумевали толкование слова с помощью дефиниции или поясняющих синонимов. Здесь слово соотносилось с мыслью, сопутствующей ему. Эти два подхода к пониманию семантики слова привели к затяжной дискуссии о соотношении смысла и значения, кото-

рая была успешно разрешена в концепции Г. Фреге, опиравшегося на трехуровневую семантическую модель имени: знак (имя) — смысл — значение (денотат)¹. Именно после Г. Фреге стали более четко различать смысл имени и его денотат. Что касается термина “значение”, то он так и остался неоднозначным, флюктуирующим в теоретико-лингвистическом дискурсе от полюса смысла к полюсу денотата².

Согласно Фреге, смысл имени выражает мысль о предмете, а денотатом является сама вещь, сопоставляемая с именем. По Фреге получалось, что смысл имени предопределяет его денотат. Например, композитор — *автор музыкальных произведений*, здесь выделенное курсивом является смыслом слова “композитор”.

В лексикологии (разделе лингвистики, занимающимся установлением смысла слов) были выявлены два важных обстоятельства. С одной стороны, стало очевидным, что далеко не все смыслы слов можно задать с помощью наукообразной дефиниции, особенно это относится к предикатным именам, подобным словам *нежный*, *высокий*, *быстрый* и т.д. С другой стороны, выявился феномен многозначности смысла многих лексем. Сравни: труба₁ — музыкальный инструмент, труба₂ — длинный полый цилиндр, труба₃ — часть печной конструкции.

Изучение многозначности смысла слов привело к становлению семного анализа. В основе его лежит представление о системном характере смысла слова³. Системность смысла слов проявляется в том, что последний составляется из отдельных семантических компонент, находящихся в иерархическом отношении друг к другу. Эти компоненты были названы семами, а семья сем, составляющих систему смысла слова, получила название семемы. Например, смысл слова “холостяк” включает в себя семы: *мужчина* + *взрослый* + *не состоящий в браке*.

Изучение семного состава лексем привело к двум важным открытиям: во-первых, те или иные семы могут выборочно актуализироваться в высказываниях, во-вторых, смысл слова является открытым и может обогащаться в высказываниях. Не случайно Ч. Филлмор указывал на сценарный характер смысла слова⁴. Возьмем, к примеру, такие слова, как *любовь*, *война*, *весна*. Каждое из них вполне может стать темой целого рассказа, в котором смысл соответствующего слова выливается в развернутую панораму взаимосвязанных событий. Смысл слова, по меткому замечанию Л. Пастернака, — это “образ мира, в слове явленный”.

По мере выявления богатства смысла слова постепенно при-

ходили к убеждению, что смысл слова формируется употреблением его в речи. Но что это значит? Употребить слово в речи — это, прежде всего, включить его в состав предложения, где оно будет выполнять определенную семантическую и синтаксическую функцию. Отдельное слово само по себе не выражает законченной мысли, если не принимать во внимание редких и особых случаев, например, ситуации диалога или так называемых односоставных предложений. “Мысль, — пишет Г. Фреге, — есть смысл предложения”⁵. Ему вторит Л. Витгенштейн: “Только предложение имеет смысл, имя обретает значение лишь в контексте предложения”⁶. Осознание этого факта привело к формированию пропозициональной парадигмы смысла.

Пропозиция и предложение — соизмеримые сущности. И все же между ними имеются различия. Пропозиция — это элементарная форма предложения, вернее, она является смысловым инвариантом различных форм предложения. Пропозиция характеризует элементарную смысловую связь имен и предикатов. В логике ей соответствует формула суждения “S есть P”.

Но здесь следует ввести существенную поправку к сказанному. Под суждением обычно понимают утверждение или отрицание некоторого положения дел. Предложение может выражать утверждение (*Я знаю, что Петр приехал*), отрицание (*Неверно, что Петр приехал*), сомнение (*Возможно, что Петр приехал*), вопрос (*Приехал ли Петр?*), сожаление, просьбу, обещание и т.п. Пропозиция, как говорили средневековые логики, выражает диктум (содержание мысли), в отличие от ее модуса (утверждения, отрицания, сомнения, вопрошания и т.д.). В наших примерах пропозицией является выражение *Петр приехал*, т. е. элементарное содержание мысли, элиминированное от ее возможных модусов. Именно поэтому, строго говоря, пропозиция не ложна и не истинна.

Пропозиция является элементарным смыслом, в котором субъекту высказывания (подлежащему) приписывается определенный предикат; выразить смысл — значит, прежде всего, предцировать некоторый признак предмету. Л. Витгенштейн в “Философских исследованиях” развивает свою концепцию языковых игр, согласно которой “ход” в языковой игре означает установление некоторого “положения дел” в возможном мире. Следовательно, смысл пропозиции в том, что она формулирует определенное положение дел в возможном мире. Именно так расшифровывает для себя слушающий (интерпретатор) простые предложения *Мальчик бежит; Собака лает*.

Пропозициональная парадигма позволила обнаружить тонкую органику смысла. Оказывается, что далеко не любые сочетания имен и предикатов могут выражать положение дел в мире. Некоторые их сочетания могут порождать пропозиции, которые нельзя интерпретировать как положение дел ни в одном из возможных миров, например, *Холостяк познакомил нас со своей женой; Зеленые идеи яростно спят*. Именно о таких пропозициях говорят, что они бессмысленны.

Смысл пропозиции регулируется тремя программами порождения смысла: семантической согласованностью, синтаксической управляемостью, лексической сочетаемостью⁷. Смысл обладает холистской природой, где каждая часть (т. е. слово в составе предложения) сопряжена с другими частями предложения, а все вместе образуют смысловую целостность, не сводимую к простой сумме слов, взятых наугад из лексикона.

Однако постепенно стала осознаваться ограниченность пропозиционального подхода к смыслу. Пропозиция схватывает базисную схему образования смысла, его сущностное ядро. Но этой схемой нельзя ограничить смысл, если иметь в виду не некий прототипический смысл, фигурирующий в качестве идеальной модели в теоретико-лингвистических исследованиях, а живую речь, в которой коммуниканты задают вопросы, отвечают на них, утверждают или отрицают что-либо, обращаются с просьбой или дают советы и т.п. Другими словами, именно в живой речи выявляется, что модальная рамка пропозиции весьма существенна для понимания смысла сказанного.

Всякий речевой акт производится говорящим с намерением достигнуть определенной цели, воздействовать на слушающего в желательном направлении. И здесь принципиально важным для успеха в достижении коммуникативной цели оказывается смысл не только самой пропозиции *p*, но и конкретный вид ее модальности, все прагматические устремления коммуникантов. Эти аспекты смысла не схватываются изолированной от контекста общения пропозициональной парадигмой. Осознание необходимости учета контекста общения, модальностей, прагматических целей коммуникантов заставило исследователей обратиться к анализу реальных высказываний коммуникантов. Высказывание является речевым актом, употреблением предложения в живой речи. Речевой акт начинает трактоваться как специфический вид человеческой деятельности.

Если прежние парадигмы интересовались прежде всего семантикой смысловых выражений и поэтому нацеливали исследовате-

лей на поиск смысла, выражаемого отношением знак — объект (Z—O), то новая парадигма погружала смысл в субъект-субъектные (S—S) отношения, которые более адекватно характеризуют сущность человеческой коммуникации. С этих позиций коммуникация предстает как осмысленная деятельность в человеческом (субъект-субъектном) мире.

В качестве идейного основателя концепции языка часто называют австрийского философа Л. Витгенштейна⁸. И действительно, он немало способствовал формированию деятельностной парадигмы, если вспомнить высказанные им в позднем сочинении “Философские исследования” идеи о том, что смысл слов надо искать в их употреблении в языке, что правила языка напоминают нам человеческие игры, что язык является формой жизни. Однако известно, что Л. Витгенштейн не проявлял большого интереса к теоретико-лингвистическим исследованиям своего времени, и ему не удалось развить деятельностную парадигму языка. Впервые ее отчетливо сформулировали оксфордский философ Дж. Остин и американский — Дж. Серль, и со второй половины XX в. она становится доминирующей в изучении коммуникативных процессов.

К числу основателей деятельностной концепции языка часто причисляют (особенно в отечественной литературе) наших выдающихся психологов Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурию и их последователей. Однако следует заметить, что наша отечественная школа психолингвистов, опиравшаяся на марксистскую концепцию деятельности как субстанции социума, рассматривала язык в качестве производного (и потому вторичного) феномена человеческой активности, порожденной прежде всего предметной деятельностью общественного человека. Другими словами, речевое общение этой школой никогда не рассматривалось как самостоятельная деятельность, но всегда лишь — как сторона или следствие универсальной практической (чувственно-предметной) деятельности. Именно поэтому представители отечественной школы теории деятельности обращались в своем анализе к таким феноменам, как антропогенез, онтогенез (индивидуальное развитие) человеческой психики, универсальный характер практики и ее структура, но мало интересовались деятельностным характером речевых актов.

Напротив, концепция речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля с самого начала исходила из признания того, что речь есть самая что ни на есть осмысленная деятельность, направленная на достижение определенного коммуникативного результата.

Прежде чем переходить к анализу, следует пояснить термин “деятельностная парадигма смысла”. Этот термин не является общепринятым в литературе в отличие от утвердившегося “деятельностная парадигма (подход) языка”. В последнем случае имеется в виду исследование речевых актов, трактуемых как действие с помощью слов, направленное на получение определенного результата. По существу, термин “деятельностная парадигма языка” стал синонимом теории речевых актов⁹.

Таким образом, вводя термин “деятельностная парадигма смысла”, мы берем на себя определенную авторскую ответственность. Ведь слово “парадигма” предполагает, как правило, общеупотребительность каких-либо установок. Но ее-то, этой общеупотребительности, пока и не наблюдается. Напротив, некоторые авторы (и даже основатели деятельностного подхода к языку Дж. Остин и Дж. Серль) разводят по разным сторонам отдельные конструкции речевого акта, выделяя в них пропозициональную часть, содержащую смысл (в традиционном понимании) и иллокутивную силу высказывания, содержащую намерения говорящего. Мы, напротив, считаем, что речевой акт, как действие, обладает сложным целостным смыслом. Это своеобразный синтез субъективных устремлений говорящего (намерений, целей, планов) и пропозиционального содержания. Итак, мы полагаем, что смысл не ограничен пропозицией и в реальных речевых актах выходит за ее рамки. Он включает все замыслы и действия субъекта, осуществляющего целенаправленный речевой акт. Именно в том и заключается эвристичность деятельностной концепции языка, что она позволяет увидеть иные, не охватываемые пропозициональной парадигмой аспекты и грани смысла.

Другими словами, мы сознательно вводим концепт “деятельностная парадигма смысла”, считая, что она (эта парадигма) имплицитно заложена в деятельностной парадигме языка (в теории речевых актов). По нашему мнению, именно подобное понимание смысла имел в виду М. Даммит, когда писал: “Если обратиться к фреговскому различию между смыслом и действием (утверждением, отрицанием, вопросом или приказом. — *А.К.*), то легко увидеть, что предложение легко распадается на две части, одна из которых выражает смысл предложения (мысль), а другая указывает на его предполагаемое действие — “утверждающее, вопрошающее, повелевающее и т.п.”¹⁰. “Теория референции окружена как бы скорлупой, представляющей собой

теорию смысла: связывая особые *практические* (курсив наш. — А.К.) способности говорящего с определенными суждениями теории референции, она устанавливает, в чем должно состоять знание говорящим любой части этой теории. Теория референции и теория смысла совместно образуют одну часть теории значения. Второй вспомогательной частью будет теория действия (theory of force). Теория действия даст понимание различных типов той конвенциональной значимости, которой может обладать произнесение предложения, т.е. разнообразных лингвистических актов, которые могут быть совершены таким произнесением, например, выражение утверждения, отдача команды, выражение просьбы и т.п.”¹¹.

Другими словами, М. Даммит подчеркивает, что значимость сказанного включает две части: теорию смысла в традиционном понимании и теорию действия, которая также требует понимания. Но понимается лишь то, что содержит смысл. Следовательно, смысл речевого акта в целом выходит за рамки пропозиции. Эвристическая ценность деятельностной парадигмы смысла заключается еще и в том, что она перебрасывает мост к пониманию смысла любых действий и поступков человека. В любых действиях человека обнаруживается смысловая связь намерений, целей, планов деятельности субъекта с конечным результатом.

Деятельностная парадигма смысла впервые отчетливо прозвучала в книге Джона Остина “Как производить действие при помощи слов”, изданной в 1962 г.¹² Остин обратил внимание на то, что употребление многих слов и предложений в речевой практике может быть истолковано как реальное действие, но отнюдь не как описание существующего положения дел. К такому типу употребления предложений можно отнести высказывания:

Нарекаю этот корабль “Королевой Елизаветой”;
Виновен! (приговор судьи);
Аут! (решение арбитра);
Приказываю открыть огонь! (или “Огонь!”);
Увольняю вас с работы;
Объявляю собрание открытым;
Поздравляю с днем рождения!
Обещаю отдать долг.

Подобного рода речевые акты Остин назвал *перформативами* (от perform — представлять, осуществлять, исполнять). Во всех

приведенных примерах осуществляется действие с помощью слов. Эти действия что-то изменяют в социальном мире: приводят к новым социальным статусам людей (как в случае приговора судьи или увольнения с работы), вводят новую номенклатуру в названии улиц, городов, кораблей и т.д., побуждают людей к определенным действиям (как в случае приказа, просьбы, мольбы), возлагают на говорящего соответствующие обязательства (как в случае обещания, клятвы, присяги), оказывают определенное ментальное воздействие на окружающего (как в случае выражения угрозы, предупреждения), а иногда просто выражают общепринятые этикетные (ритуальные) действия (поздравления, соболезнования, приветствия).

Поясним, в каком смысле слово становится действием. Высказывание *Джон виновен*, произнесенное его другом, является дескрипцией (или, по терминологии Остина, *констативом*). Оно просто фиксирует положение дел, существующее с точки зрения говорящего. Однако слово судьи “Виновен!”, произнесенное им в ходе судебного заседания, означает не описание факта, а установление, созидание, если угодно, конструирование нового социального статуса обвиняемого: из статуса подозреваемого приговором судьи он переводится в статус виновного. Даже если в ходе судебного разбирательства и была допущена юридическая ошибка, это не меняет сути дела: после того, как судья официально, в соответствии с процедурными правилами вынес решение о виновности, подозреваемый *становится* виновным. Важно подчеркнуть, что без этого процедурного произнесения слова “виновен”, подозреваемый все еще считается не виновным.

Аналогичный пример, на трибуне зрители могут ожесточенно спорить, был ли вынесен мяч за линию футбольного поля, и это будет обычным (констатирующим) выяснением сути дела (факта). Однако заключение арбитра “Аут!” (или его жест, или свисток) не описывает, а устанавливает новое положение дел. Есть большое различие между высказыванием третьих лиц *Петр обещал вернуть долг* и высказыванием самого Петра *Я обещаю вернуть долг*. В первом случае мы имеем дело с обычной констатацией факта, а во втором — с действием, которое может быть истолковано как взятие Петром определенного обязательства с вытекающей ответственностью.

Итак, уже можно провести демаркацию между обычными констативами (дескрипциями) и перформативами. Первые предполагают существующее до высказывания некоторое положение

дел, если речь идет о настоящем времени, и констатируют это положение дел. Если речь идет о событиях прошлого, то констативы также фиксируют положение дел, имевшее место в прошлом. Когда речь идет о будущем, констативы прогнозируют будущее положение дел. Во всех этих случаях совершается приспособление слов к реальности. Когда же речь идет о перформативах, то направленность приспособления кардинально меняется: теперь уже реальность приспособляется к словам. При наречениях, вынесениях вердиктов говорящий своим речевым актом устанавливает новое положение дел в реальности, при угрозах, предупреждениях и т.п. он изменяет (влияет на) ментальность слушающего.

Из сказанного становится очевидным, что к перформативам не применима оценка истинное/ложное, которая справедлива по отношению к констативам. Последние вторичны по отношению к существующей реальности, и потому они могут соответствовать либо не соответствовать ей. Перформативы, наоборот, первичны: сначала идет слово, затем возникает реальность, соответствующая слову. В случае перформативов мы сталкиваемся с автоферентностью определенных высказываний. Самим фактом произнесения слов в каких-либо обстоятельствах мы создаем референт, соответствующий высказыванию. Произнести “Здравствуйте!” — означает не описать приветствие, а произнести его. Поскольку перформатив — это некоторое действие, устанавливающее новое положение дел, о нем нельзя сказать, что он истинен или ложен, как этого нельзя сказать о любом другом действии, например, забивании гвоздя или закрывании форточки.

Вместе с тем перформатив должен подчиняться некоторым правилам — их нарушение подрывает его эффективность как реального действия. Только при выполнении определенных, конвенционально принимаемых в социуме правил, употребление предложений может оцениваться как реальное действие, ведущее к соответствующим социокультурным последствиям, тогда как нарушение этих правил делает этот перформатив неэффективным. Для того чтобы перформативное употребление было успешным, “должна существовать принятая конвенциональная процедура, имеющая определенные конвенциональные результаты, включающая употребление определенных слов при определенных обстоятельствах”¹³.

В число условий, обеспечивающих успешность перформатива, входит прежде всего социальный статус лиц, ответственных за его употребление: уволить с работы может только начальник

организации, объявить виновным — судья, отдать приказ — командир. В указанных примерах действие оказывается “пустым”, неудачным, если его производят не уполномоченные конвенцией лица. Приказ друга, если он не является вашим командиром, отнюдь не обязателен для исполнения.

Для успеха действий необходимо также существование сопутствующих социокультурных обстоятельств, поддерживающих его. Так, вызов на дуэль в условиях XVIII в. поддерживался европейской культурной традицией, в наши дни такой вызов будет отвергнут или осмеян. Объявляют войну, когда имеется какой-нибудь повод. Поздравляют с успехом, если кто-то его добился, а выражают соболезнование, когда кто-то умер, но не наоборот.

Перформатив срabатывает, не дает “осечки”, если все участники коммуникативного акта осуществляют его корректно и полно¹⁴. Высказывание *Я согласен взять в жены N* не является эффективным действием, если невеста во время брачной процедуры заявляет *Я не согласна*. Если некто предлагает поспорить о чем-то на десять долларов, спор все равно не состоится, если его никто не поддержит. Если кто-то говорит “Я дарю тебе это” в условиях, когда ему не принадлежит даримая вещь, действие оказывается пустым, неудачным. Таким образом, в отличие от констативов, которые могут быть ложными или истинными, перформативы оказываются *успешными* или *неуспешными*.

Особенно интересны перформативы, включающие в себя описательную часть (дескрипцию). Например, высказывание *Предупреждаю тебя, что во дворе находится злая собака*, содержит дескрипцию *во дворе злая собака*, которая сама по себе (вне перформатива) может быть либо истинной, либо ложной. Если во дворе нет никакой собаки, можем ли мы сказать, что предупреждение было ложным?

Сказать, что предупреждение было ложным, когда оно имело искреннее намерение, довольно затруднительно. Ведь предупреждение все-таки было сделано. Остин склоняется к тому, что такое предупреждение следовало бы назвать “ошибочным”¹⁵. Аналогичная ситуация возникает, если один из играющих в шахматы говорит “Шах!”, когда никакого шаха на доске не существует. Такого рода примеры свидетельствуют о том, насколько трудно иногда провести границу между констативом и перформативом. Например, высказывание *во дворе злая собака* может быть и перформативом, и констативом. Все зависит от обстоятельств, целей и намерений высказывания. В случае констатива мы мог-

ли бы применить к нему истинностную оценку, а в случае с перформативом мы имеем дело с действием, к которому эта оценка не применима, но зато можно сказать, что оно было ошибочным, напрасным, неэффективным (когда собаки во дворе не оказались).

Наконец, нужно остановиться на важнейшем условии успешности действий, осуществляемых с помощью слов. Это условие заключается в *искренности* намерений говорящего. Искренность и может служить своеобразным аналогом истинности. Высказывания *Я сочувствую Вам*, когда я вам даже не симпатизирую; *Я обещаю Вам*, когда я не намерен выполнять обещание; *Спорим*, когда я не собираюсь вступать в игру, — характеризуют неискренность намерений говорящего¹⁶. Скорее всего подобные высказывания свидетельствуют о несостоятельности перформатива. Эта несостоятельность становится особенно очевидной при эксплуатации намерений говорящего, например, в высказываниях: *Я обещаю Вам это, но не сделаю это*, *Я прощаю Вас, но никогда не забуду вашего поступка*. Подобные высказывания являются саморазрушающимися, парадоксальными. Поэтому о перформативах, в отличие от констативов, правильнее говорить, что они могут быть искренними и неискренними.

Дж. Остин попытался дать одну из первых типологий перформативов, которая впоследствии вызвала критику. Среди перформативов он выделил пять классов¹⁷.

Вердиктивы выражают вердикты, выносимые уполномоченными лицами (судьей, арбитром и т.д.). *Экзерситивы* воплощают властные функции (назначение, принуждение, совет, предостережение). *Комиссивы* обязывают к чему-либо говорящего. *Бехабитивы* характеризуют стереотипное (иногда ритуальное) поведение говорящего в определенных социальных условиях (извинение, похвалу, поздравление, соболезнование, проклятие, вызов). Наконец, *экспозитивы* используются в действиях объяснения (exposition) и часто употребляются в дискуссиях или беседах (я утверждаю, отвергаю, признаю, отвечаю, докладываю и т.д.) Эта типология, несовершенство которой признавал сам Дж. Остин, показывает, “как много имеется смыслов, в которых сказать что-либо и есть сделать что-либо”¹⁸.

Одним из первых Дж. Остин стал различать три типа действий, осуществляемых при реализации речевого акта. Во-первых, говорение всегда есть *локутивное* действие или, попросту, *локуция*. Под локуцией понимается произнесение высказывания, “что включает употребление определенных звуков, определенных

слов в определенных конструкциях и употребление их с определенным “значением” в любимом философами смысле этого слова, т.е. с определенным смыслом и определенной референцией”¹⁹.

Другими словами, Остин подчеркивает, что без локуции перформатив вообще не может осуществиться, но, когда мы употребляем слова и словосочетания в составе высказывания, они всегда имеют смысл, который им традиционно придают люди, и определенную референцию. Например, высказывание *Я обещаю вам вернуть долг* слушающий интерпретирует таким образом: *Он* сказал, что вернет мне долг, где *Он* реферируется к говорящему, *долг* — сумма денег, которую я ему занял. Конечно, произнесение звуков может быть простой тарабарщиной или бессмыслицей, например, *хливкие шорьки пырялись по нове*, но в таком случае, по Остину, мы не осуществили локуцию. Локуция представляет не простое физическое произнесение звуков, но всегда — осмысленное употребление слов и соблюдение синтаксиса.

Вместе с локуцией в речевом акте осуществляется *иллокутивное* действие, или *иллокуция*. Иллокуцию мы осуществляем, когда даем обещание, приказ, выносим вердикт, задаем вопрос, утверждаем нечто или отрицаем, т.е. действуем с определенным намерением. И здесь реализуется уже другой, *дополнительный смысл* высказывания по сравнению с локуцией. Можно сказать, что в иллокуции выражается определенное намерение, желание, цель говорящего.

Наконец, в речевом акте реализуется и действие третьего типа — *перлокутивное*, или *перлокуция*. Перлокуция есть воздействие речевого акта на слушающего, которое он воспринимает как угрозу, предупреждение, давление (приказ, просьба, совет), вопрос, требующий ответа, намек и т.д. По существу, действия перлокутивного характера могут быть названы теми же самыми именами, что и иллокутивное действие. Только иллокуции связаны с намерением говорящего, а перлокуции с тем эффектом, который оказывает речевой акт на слушающего.

Например, говорящий осуществляет локуцию “Стреляй в нее!”, где “стреляй” означает *стреляй*, “в нее” — референцию к *ней*. Одновременно осуществляется иллокуция: говорящий намеревается заставить слушающего с помощью приказа (совета, просьбы) осуществить определенное действие. Результатом этого речевого акта является реальное воздействие на слушающего.

Слушающий мог бы сказать, что *он* заставил меня (приказал, посоветовал, попросил) *застрелить ее*.

По мнению Остина, между иллокуцией и перлокуцией имеется важное качественное различие. Иллокуция всегда конвенциональна, т.е. опирается на принятые в обществе правила выражения просьбы, приказа, вопрошания и т.д., тогда как перлокуция в принципе неконвенциональна. Ведь перлокуция — это, по существу, тот реальный эффект, который иллокуция производит на слушающего, если она проведена успешно. “*Перлокутивное действие*, — подчеркивает Остин, — то, что мы привносим или достигаем посредством говорения чего-либо, например, утверждение, принуждение, устрашение и даже, скажем, удивление или заведение в тупик”²⁰. Перлокуция — это то реальное давление, воздействие на слушающего, которое на него производит иллокутивный акт говорящего.

Таким образом, Остин вскрывает в речевом акте три типа смысла, соответствующих локуции, иллокуции и перлокуции²¹.

Деятельностная парадигма была развита в работах американского философа Дж. Р. Серля. В центре его внимания оказались природа иллокутивных актов, их смысловая нагруженность, структура, типология и языковые способы их выражения. Прежде всего Серль обратил внимание на то, что любое высказывание (т.е. реальный речевой акт) помимо пропозиционального содержания *p* имеет определенную функциональную направленность, т.е. *иллокутивную силу*.

Например, в утверждении *p* я выражаю убеждение, что *p*, верю, что *p*, считаю истинным *p*. В просьбе или приказе я желаю *p*, ощущаю потребность в *p* и т.д. Иллокуция всегда имеет определенный смысл, который очень близок к английскому глаголу *mean* (иметь в виду, подразумевать). В иллокутивном акте реализуется намерение говорящего, тем самым обнаруживается тесная связь “между понятием значения и намерения”²².

Для успеха иллокутивного акта говорящий обязан так использовать конвенциональные языковые средства, чтобы дать возможность слушающему понять свои намерения: “говорящий намерен вызвать определенный иллокутивный эффект посредством подведения слушающего к опознанию его намерения вызвать этот эффект”²³. Очень важно, что при анализе деятельностной природы иллокутивного акта оказывается необходимым учитывать не только намерения говорящего, но и ожидания (или предположе-

ния) слушающего. Таким образом, модель иллокутивного акта сводится к субъект-субъектным (говорящий — слушающий) отношениям. Так, при обещании говорящий полагает, что слушающий заинтересован в совершении определенного акта, что слушающий знает, что сам по себе (без взятия обещания) этот акт может и не произойти. Далее говорящий намерен связать себя обязательством совершить этот акт, и он должен дать возможность слушающему посредством произнесения определенных слов опознать свое намерение связать себя обязательством.

Иллокутивный акт, по Серлю, состоит из двух составляющих: а) из иллокутивной цели и б) иллокутивной силы. “Так, смысл (point), или цель (purpose), приказа может быть охарактеризован как попытка добиться того, чтобы слушающий нечто сделал. Смысл, или цель, описания — в том, чтобы представить (правильно или неправильно, точно или неточно) некоторое положение вещей. Смысл, или цель, обещания — в том, чтобы взять на себя обязательство совершить нечто”²⁴.

Иллокутивная цель в приказе и просьбе будут совпадать (добриться, чтобы осуществилось р), но вместе с тем они будут различаться по иллокутивной силе. Например, степенью принуждения слушающего, статусом говорящего и слушающего (приказать можно только подчиненному), стилем выражения (приказ обычно требует императива, просьба может быть выражена в форме вопроса — *можете вы подать соль?*) и т.д.

В общем случае Серль устанавливает двенадцать значимых измерений иллокутивной силы, но важнейших из них три: *цель, направление приспособления, условие искренности*. По мнению американского философа, “иллокутивная цель — это базисное понятие, вокруг которого группируются различные способы использования языка”²⁵.

Цель определяет тип действия, который мы производим с помощью иллокутивного акта. В *репрезентативах* мы сообщаем, каково положение вещей; в *директивах* мы пытаемся заставить других совершить нечто; в *комиссивах* мы берем на себя обязательство совершить нечто; в *экспрессивах* мы выражаем свои чувства и отношения; с помощью *деклараций* мы вносим изменения в существующий мир. Таким образом, типология иллокутивных актов по Серлю значительно отличается от типологии Остина.

Существенными для понимания смыслов иллокутивных актов оказываются и два других условия.

Рассмотрим различия в направлении приспособления между словами и миром. Одни речевые акты стремятся приспособить

слова к миру (как это происходит в утверждениях, констатациях и т.п.), назначение других — приспособить мир к словам (например, просьбы, приказы, обещания). Различие в направлении приспособления Серль поясняет на следующем эффектном примере. Допустим, что некоторый человек получил задание купить в магазине продукты по списку, составленному женой. Предположим также, что за этим человеком следит сыщик и записывает все то, что тот покупает. Корзина покупателя будет пополняться таким образом, чтобы все купленные вещи соответствовали словам списка, т.е. мир купленных вещей приспособляется к словам. Список сыщика, который следит за покупателем, обнаруживает другую направленность: от вещей в корзине к словам. Если покупатель обнаружит ошибку в выборе вещи, то он не зачеркивает слово, обозначенное в списке, а меняет вещь в корзинке. Сыщик, наоборот, заметив эту замену в корзине покупателя, исправит слово в своем списке.

Следующее существенное различие иллокутивных актов проявляется в психологических состояниях говорящего. Вот как определяет этот термин Серль: “Психологическое состояние, выраженное при совершении иллокутивного акта, — это *условие искренности* акта”²⁶. Человек, констатирующий *p*, выражает убеждение, что *p*; в обещании выражается намерение сделать *p*, в просьбе — желание (потребность), чтобы слушающий сделал *p*. По существу, в психологических состояниях, как их трактует Серль, проявляется мотивация речевого акта. Эта мотивация логически предпосылается цели (или смыслу самого действия) и не может находиться с ней в разладе, рассогласовании. В этом, собственно, и обнаруживается так называемая *искренность* иллокуции. Нельзя желать одного, а делать совсем другое. Поэтому неуклюже, нелогично звучит высказывание: “Я обещаю *p*, но не намереваюсь делать *p*” или “я утверждаю, что *p*, но не верю в *p*”.

Убеждение объединяет такие иллокутивные акты, как утверждения, констатации, декларации, объяснения, дедукцию и аргументацию. *Намерение* присуще таким актам, как обещание, клятвы, угрозы, проклятия. *Желание* лежит в основе таких актов, как просьбы, приказы, прошения, мольбы и т.п. *Удовольствие* мотивирует поздравления, пожелания удачи, приветствия.

Все три указанных измерения иллокутивного акта (цель, направление приспособления и условие искренности) задают логическую структуру иллокутивного акта. Так, структура репрезентатива включает цель: зафиксировать определенное положение

дел. И эту фиксацию (констатирование) предполагается производить с различной степенью иллокутивной силы (утверждения, предположения, возможности, сомнения, отрицания). Направление приспособления в репрезентативах характеризует соответствие слов реалиям. Условие искренности реализуется в том, что говорящий убежден в истинности *p* при утверждениях или в ложности *p* при отрицаниях.

В директивах логика иллокутивного акта другая. Целью здесь является воздействие на слушающего, чтобы он совершил *p*. Это воздействие может осуществляться с различной степенью энергичности: через вежливое предложение сделать нечто, просьбу, приказ, мольбу и т.д. Направление приспособления характеризуется изменением мира в соответствии с директивом, т.е. произнесенным словом. Условие искренности состоит в желании (потребности), чтобы слушающий совершил *p*.

В работе Д. Гордона и Дж. Лакоффа обращается внимание на такое субъективное условие реализации речевого акта, как *мотив*. Мотив является основанием для действий субъекта и в общем случае выражает осознанную нужду в чем-либо. Мотивированность речевого акта как действия находится в необходимой связи с условием искренности. “Общая идея, — как отмечают авторы, — состоит в том, что, если вы подвергаете сомнению одно из условий мотивированности, вы тем самым подвергаете сомнению мотивированность самого речевого акта”²⁷.

Например, просьба будет считаться мотивированной только в тех случаях, когда: а) говорящий имеет основание хотеть ее выполнения; б) говорящий имеет основание считать, что слушающий может ее выполнить; в) говорящий считает, что слушающий будет склонен ее выполнить и, наконец, г) говорящий полагает, что без этой просьбы самостоятельно он не сделает того же самого действия. Убеждение как иллокутивный акт мотивировано только в том случае, если говорящий верит (считает истинным) в то, что утверждается. Обещание мотивировано только в том случае, если у говорящего есть искреннее намерение его выполнить²⁸.

Мы видим, что в деятельностной парадигме по сравнению с пропозициональной существенно расширяются рамки понимания смысла высказывания. Пропозициональный подход вырывает смысл из контекста общения, т.е. исходил из некоторой идеальной конструкции предложения, выраженной формулой “S есть P”, и потому смысл трактовался как мыслимое положение дел, выраженное в предложении. Деятельностная парадигма исходит

из трактовки речевого акта как действия говорящего, направленного на слушающего. Она акцентирует субъективные аспекты смысла, связанные с намерением говорящего и с пониманием этого смысла слушающим. Пропозициональный смысл не отрицается и не исключается деятельностной парадигмой, но входит в некоторое иллокутивное окружение. Если при пропозициональном подходе к смыслу ставился только один вопрос: “Что сказано? (Или, что означает сказанное?)” и ответом на него было — “Такое-то положение дел”, то в новой парадигме возникают новые осмысленные вопросы: для чего это сказано, с какой целью, с каким намерением?

В общем случае намерение и цель говорящего определяют ту форму речевого акта, которую он выбирает, чтобы донести смысл сказанного до слушающего. Таким образом, сказанное должно находиться в соответствии с иллокутивной целью высказывания, однако существуют и весьма распространены *косвенные речевые акты*, в которых буквально сказанное выражает нечто другое, нежели то, что имел в виду (т.е. смысл) говорящий. Анализ косвенных речевых актов чрезвычайно важен с точки зрения понимания смыслов, адресованных слушающему. Вообще-то, о косвенных смыслах в лингвистике говорят, когда за буквальным стоит совсем другой — *переносный смысл*. Этот перенос смыслов реализуется в намеках, метафорах, иронии. Сказать, что “Петров — заяц” — значит, употребить метафору, подлинный смысл которой заключается в том, что Петров — трусливый человек.

В косвенных речевых актах “говорящий произносит предложение, имея в виду то, что он говорит, и одновременно имея в виду другую иллокуцию, с другим пропозициональным содержанием”²⁹. Например, в высказывании *Можете ли вы достать соль?* буквально содержится вопрос, обращенный к слушающему, но обычно говорящий имеет в виду нечто другое, а именно *просьбу* передать ему соль. Аналогично в высказывании *Вы стоите на моей ноге* имеется в виду не констатация положения дел, а нечто большее — *просьба* говорящего, обращенная к слушающему, убрать свою ногу.

Возникает вопрос, каким же образом слушающий может понять истинное намерение говорящего, закамуфлированное буквальным смыслом сказанного? Серль исходит из того, что в основе понимания лежит определенная стратегия построения

умозаключений слушающим, которая, во-первых, включает установление того факта, что первичная иллюкутивная цель отклоняется от буквальной цели, и, во-вторых, в выявлении самого содержания первичной цели³⁰.

Стратегия понимания косвенных смыслов демонстрируется Серлем на типовом примере коммуникативного общения:

Студент X говорит: *Давай пойдем в кино.*

Студент У отвечает: *Я должен готовиться к экзамену.*

Хотя ответ У-ка дан в утвердительной форме, на самом деле он является отклонением предложения X-а. Каким же образом X распознает ответ У-а как отклонение своего предложения? X делает это на основе последовательных шагов умозаключения.

Шаг 1: На этом шаге учитывается контекст диалога, т.е. факты, касающиеся диалога. Рассуждения X-а сводятся к следующему: *Я сделал У-у предложение, на которое он ответил утверждением, что ему необходимо готовиться к экзамену.*

Шаг 2: На этом шаге учитывается известный принцип кооперации коммуникантов, сформулированный Грайсом, суть которого состоит в том, что коммуниканты стремятся к общей цели — взаимопониманию. Поэтому на каждом шаге коммуникативного поведения они делают согласованные, т.е. релевантные шаги в приближении к общей цели³¹. Рассуждение X-а: *Реплика У-ка задумана как релевантная.*

Шаг 3: Релевантный ответ должен принадлежать к одному из следующих типов: принятие предложения, отклонение предложения, встречное предложение, обсуждения предложения.

Шаг 4: Рассуждение X-а: *Буквальное высказывание У-ка не принадлежит ни к одному из перечисленных типов, поэтому не является релевантным.*

Шаг 5: Это решающий шаг в стратегии! Рассуждение X-а: *Но ответ должен быть релевантным! Остается предположить, что релевантный шаг скрыт за буквальным смыслом; необходимо найти эту первичную иллюкутивную цель.* После этого шага стратегия понимания направляется на поиски первичной иллюкутивной цели.

Шаг 6: На этом этапе принимают во внимание общие фоновые знания, относящиеся к сути дела. Рассуждение X-а: *Я знаю, что подготовка к экзамену требует продолжительного времени, но и посещение кинотеатра требует значительного времени.*

Шаг 7: Вывод на основе шага 6: *Следовательно, У не может в пределах одного вечера и идти в кино, и готовиться к экзамену.*

Шаг 8: Также опирается на некоторое фоновое знание о принципах речевого общения. Принятие некоторого предложения означает обычно взятие на себя определенных обязательств, т.е. является комиссивом. Это обязательство можно выразить путем формулирования условий его выполнения. Рассуждения Х-а: *У берет на себя обязательство готовиться вечером к экзамену.*

Шаг 9: *Следовательно, У будет готовиться к экзамену и не может принять моего предложения.*

Шаг 10: *Значит, первичная иллокутивная цель У-ка состоит в отклонении моего предложения*³².

Анализ стратегии понимания косвенных речевых актов очень важен для трактовки феномена смысла. Ведь понимание есть, по существу, восстановление смысла сказанного, оно возможно в предположении, что говорящий ничего не произносит случайно. Восстановление скрытых, косвенных смыслов становится возможным, исходя из презумпции релевантности, т.е. соответствия, согласования мотивов, намерений, целей говорящего и способа выражения смысла. В тех случаях, когда буквальное выражение смысла “не вяжется” с логикой речевого общения (например, буквальный смысл не релевантен намерению) следует искать косвенный смысл сказанного, восстанавливающий эту релевантность. Для восстановления косвенного смысла чрезвычайно значимыми являются: общий контекст общения, фоновые знания и способность рассуждать логически.

Поскольку общение может рассматриваться как одно из проявлений целенаправленного поведения, постольку весьма существенное значение для понимания смысла речевого акта приобретает выявление *планов* коммуникантов в диалогах. Адекватная реплика слушающего в диалоге обычно опирается на распознавание цели говорящего и его плана действий. Обратимся, например, к элементарному диалогу, происходящему обычно между спрашивающим и отвечающим в справочном бюро железнодорожного вокзала.

Спрашивающий: *Когда отходит поезд на Монреаль?*

Отвечающий: *В 3.15, с 7-го пути.*

В этом примере сотрудник справочного бюро (отвечающий) выдал больше информации, чем эксплицитно запрашивалось клиентом. Из чего он исходил?

Поскольку диалог ведется в определенных контекстных обстоятельствах (железнодорожный вокзал, справочное бюро), то

можно предположить, что люди обычно запрашивают информацию для того, чтобы сесть на поезд или встретить кого-либо. В нашем примере сотрудник определил цель запроса: клиент желает сесть на монреальский поезд. Наиболее часто клиенты интересуются ближайшим по времени поездом. Поэтому сотрудник взвесил некоторые альтернативы, прежде чем выдать информацию о времени отправления поезда. Но вместе с тем он сделал кое-что еще: он проанализировал план клиента. Для того чтобы выполнить успешное действие посадки на поезд, человеку нужно преодолеть два препятствия: знать время посадки и путь, с которого отправляется поезд. Сотрудник, будучи предупредительным, своим ответом помогает клиенту преодолеть оба препятствия на пути выполнения плана, поэтому он сообщает информацию не только о времени отправления, но и о месте посадки.

Дж. Ф. Аллен и Р. Перро попытались построить простую модель диалога и проанализировать в ней роль выявления *планов* коммуникантов. Они исходили из следующих постулатов: “Люди — это рационально действующие существа, способные формировать и выполнять планы достижения своих целей.

— Они способны во многих случаях выводить (*infer*) планы другого действующего лица (*agent*), наблюдая за тем, как это лицо выполняет некоторые действия.

— Они способны обнаружить *препятствия* (*obstacles*), мешающие выполнению планов другого действующего лица”³³.

Обычное понимание плана состоит в том, что в нем учитывается последовательность действий, приводящих субъекта из исходного состояния мира в желаемое. Планирование подчиняется определенным правилам, которые обуславливают последовательность действий и связывают последние с достижением определенного результата. Например, если действующее лицо хочет достичь цели E и к этой цели ведет некоторый акт (т.е. действие), то данное лицо должно желать выполнения этого акта. Процесс построения плана движется от цели E (желаемого состояния) к действию A, которое имеет E в качестве своего следствия. Затем оцениваются предварительные условия для A. Если эти условия не осуществлены, то необходимо предпринять дополнительные действия по их реализации. Поэтому в плане появляются дополнительные подцели.

В диалоге наблюдатель (в нашем примере — сотрудник справочного бюро), прежде чем дать ответ, осуществляет процесс вывода (реконструкции) плана говорящего (в нашем случае — клиента).

“Этот процесс, — отмечают авторы, — зависит как от знаний наблюдателя, так и от его убеждений относительно того, какие цели, скорее всего, преследует наблюдаемое действующее лицо”³⁴.

Модель диалога описывается следующим образом: “А преследует цель получить некоторую информацию; он намечает некоторый план (*построение плана*), предусматривающий обращение с вопросом к лицу В, ответ которого даст нужную информацию. Затем А осуществляет свой план, задавая В вопрос. В получает вопрос и пытается вывести план А (*процесс вывода плана*). В этом плане могут содержаться цели, которых А не может достичь без посторонней помощи. Они и будут *препятствием* в плане А. В может принять некоторые из этих препятствий в качестве своих планов и создать план их достижения. Как только В выполнит этот план, будет порожден его ответ”³⁵.

Рассмотрим несколько усложненный диалог, происходящий на вокзале в Торонто, куда прибывают поезда из Виндзора и уходят на Виндзор. Допустим, что почти одновременно в Торонто приходит поезд из Виндзора и уходит поезд на Виндзор. Тогда происходит такой обмен репликами в справочном бюро.

(1) Клиент: *Когда виндзорский поезд?*

(2) Сотрудник: *На Виндзор?*

(3) Клиент: *Да.*

(4) Сотрудник: *В 3.15, с 7-го пути.*

Первая реплика анализируется таким образом. Клиент *просит* (иллокутивный акт) информировать его о времени х виндзорского поезда. Сотрудник строит свои ожидания относительно цели клиента. Клиент может иметь цель либо сесть на поезд в Виндзор, либо цель встретить поезд из Виндзора. Поэтому он вынужден анализировать обе *альтернативы*. Поскольку на основе анализа информации, содержащейся в вопросе (1), сотрудник не в состоянии предпочесть ни одну из альтернатив, то на данном этапе он принимает решение *принять* их обе в качестве интерпретации реплики (1). Далее сотрудник ставит перед собой цель разрешить неоднозначность выбора между альтернативами. Для этого он выполняет акт: задает вопрос клиенту, желает ли тот осуществить посадку на Виндзор (реплика 2). Цель данного акта — выбор между альтернативами. Клиент, в свою очередь, анализирует вопрос сотрудника, его цель и предпринимает действие (реплика 3) по информированию о своем желании осуществить посадку на поезд. Получив ответ “Да”, сотрудник определяет цель клиента — сесть на виндзорский поезд. На этом этапе альтернатива выбрана, но сотрудник обнаруживает препятствие на

пути выполнения плана клиента: чтобы успешно осуществить посадку, клиенту необходимо знать не только время посадки, но и ее место. Поэтому он дает предупредительный ответ, содержащий больше информации, чем запрашивал клиент (реплика 4).

Развитие диалога в значительной мере основано на *ожиданиях*, которые возникают у коммуникантов. Взаимопонимание в диалоге достигается на основе коммуникативной логики (Дж. Лакофф называет ее “естественной логикой”³⁶), в которой умозаключения строятся на основе учета намерений, ожиданий, целей и планов действия коммуникантов.

Подведем некоторые философские итоги. Что нового в трактовке загадочного феномена “смысл” дает деятельностная парадигма?

Прежде всего хотелось бы подчеркнуть, что деятельностная парадигма погружает смысл в мир человеческой субъективности в качестве важнейшей интенции деятельной сущности человека. В этой связи особенно актуально звучат слова Л. Витгенштейна: “Смысл мира должен находиться вне мира”³⁷. Словоцентристская парадигма трактовала смысл как отношение, возникающее между знаком (словом) и объектом. Пропозициональная парадигма подчеркнула, что это отношение опосредуется человеческой мыслью, которая характеризует некоторое “положение дел в мире”. Обе парадигмы актуализировали объективный аспект смысла, его связь с реальностью, с внешним миром. Этот аспект отнюдь не элиминируется в деятельностной парадигме, но он, говоря гегелевским языком, “снимается” в новом подходе, где под снятием следует понимать включение или погружение объективности в структуру человеческой активности, т.е. в сферу интересов, мотивов, намерений, целей деятельного субъекта. “Если логика, а также структурная лингвистика первой половины нашего века (т.е. XX в. — *А. К.*), — отмечают Н. Д. Арутюнова и Е. П. Падучева, — стремились освободиться от говорящего субъекта и свести все свои содержательные категории к отношениям предложений к действительности и к отношениям между предложениями, то начиная с середины века организующим центром “смыслового пространства” стал человек со всеми его психологическими комплексами”³⁸.

В деятельностной парадигме слово (речевой акт) трактуется как действие. Как это понимать? Конечно же, не в том смысле, что говорение предполагает физическое усилие. Слово явля-

ется действием, потому что в речевом акте говорящий планомерно осуществляет свои цели и намерения для достижения определенного результата. Слово является действием потому, что оно обращено к слушающему, воздействует на его ментальность, сознание. Слово побуждает слушающего либо к речевому действию (в диалогах), либо к материальному (открыть огонь, подать соль, уволиться с работы и т.д.). Успех действия (т.е. достижение планируемого результата) зависит не только от намерений говорящего, но и от ожиданий слушающего. Таким образом, деятельностная парадигма явно вводит новую субъект-субъектную (S—S) модель речевого акта. Высказывание в данной модели трактуется уже не как абстрактная сентенция, за пределами которой остается субъект, но как субъект-субъектное взаимодействие с помощью языка.

Как мы видели, действие с помощью слов может иметь различную направленность. Оно может приспособлять слова к миру, как это происходит в утверждениях и констатациях, но может и приспособлять мир к словам (в просьбах, приказах, вердиктах и т.п.).

Субъект-субъектное взаимодействие основано на понимании — феномене, тайна которого уже давно волнует человечество. Феномен понимания стал предметом рефлексии в довольно древней философской науке — герменевтике. Анализ речевых актов показывает, что в основе понимания лежит восстановление смысла сказанного. Деятельностная парадигма актуализирует глубокую укорененность смысла в человеческом сознании. Для понимания смысла оказывается недостаточно установить его отношение к реальности (пропозициональное содержание). Не менее важное значение для принятия решения действующим субъектом имеет установление мотивов, намерений, целей говорящего. Действие с помощью слова детерминировано субъективной устремленностью говорящего на результаты, так же как и ответная реакция слушающего.

Эта субъективная устремленность, получившая выражение в иллюкутивных актах, неотделима от смысла сказанного. Когда вам говорят “Во дворе злая собака”, это не просто описание того, что находится во дворе, вас предупреждают, воздействуя на ваше сознание, чтобы вы приняли разумное решение. И вы принимаете сказанное как руководство к действию, лишь раскрывая, восстанавливая смысловые интенции сказанного, т.е. намерения, мотивы, цели говорящего.

Иллокуция обнаруживает себя прежде всего благодаря конвен-

циональным правилам своего выражения. Говоря об иллокуциях, следует различать два типа этой конвенциональности: языковую и социокультурную. Первая проявляется в общепринятых языковых формах выражения иллокутивных актов, которые служат лингвистическими индикаторами намерений говорящего, своеобразными маркерами просьбы, приказа, совета, вердикта, утверждения и т.д. Второй тип конвенций коренится в социокультурных условиях и традициях. Приказ может отдать лишь начальник подчиненному, равного по рангу можно только попросить; совет дают знакомому или другу; вердикт выносит судья и т.д. Действие с помощью слова подчиняется установленным в обществе нормам (моральным, правовым, профессиональным, религиозным)³⁹.

Вместе с тем следует различать выражение иллокуции в иллокутивном акте и психологические состояния субъекта, лежащие в ее основе. Если первое подчиняется конвенциональным правилам, то второе, как нам представляется, является имманентной сущностью человека волящего (т.е. человека, обладающего волей), желающего, верующего, намеревающегося. Когда человек выражает в слове убеждение (т.е. определенную иллокуцию), то он действует в соответствии с определенными социокультурными конвенциями, но вера, лежащая в основе манифестируемого убеждения, не является конвенцией. Когда человек выражает просьбу, то его намерение манифестируется в языке в соответствии с принятыми конвенциями, но само состояние нужды субъекта, мотив его просьбы отнюдь не является конвенциональным.

То же самое замечание касается перлокутивного эффекта. Воздействие, оказываемое на слушающего с помощью слова, подчиняется конвенциям первого и второго рода, особенно это проявляется в таких актах, как просьба и приказ. Однако слушающий обладает самостоятельной волей, он может не выполнить приказ, противоречащий его моральным убеждениям, не удовлетворить сомнительную просьбу. Следовательно, намерения слушающего имеют суверенные, глубоко личные мотивы. Особенно ярко проявляется имманентная укорененность ожиданий, намерений, мотивов, действий слушающего в его реакция на угрозу (возникает состояние тревоги), извещение о смерти близких повергает его в отнюдь не конвенциональную печаль.

Из сказанного следует, что в смыслах существует трудноразличимая граница между неявным и явным. Явное в смысле манифестируется с помощью слов, оно понимается слушающим на

основе принятия им системы социокультурных и языковых конвенций, а также фоновых знаний. Неявное в смысле — это прежде всего неманифестируемое. Относительно скрытых, глубоко имманентных интенций и намерений говорящего слушающий может делать лишь некоторые предположения, т.е. строить импликации. Однако эти импликации обычно исходят из некоторых стереотипных установок о том, что чувствуют или как ведут себя люди в определенных обстоятельствах. По существу, это означает, что неявное становится понятным, эксплицированным лишь постольку, поскольку мы можем подвести природу неявного под стереотипные схемы поведения человека. Именно стереотипными установками объясняется принятие известного условия искренности в иллокутивных актах: если я нечто обещаю, я намерен это выполнить, если я нечто прошу, то я в этом нуждаюсь.

Теперь мы хотели бы наметить здесь проблему обсуждения самого понятия “психологическое состояние” субъекта. Этот термин является общераспространенным в западной литературе при анализе речевых актов.

Дело в том, что, говоря о смыслах, следует различать психологическое состояние и сознание субъекта. Возможно, для многих — это одно и то же. Почему все-таки важно провести здесь различие? А потому что, по нашему глубокому убеждению, смысл лежит в плоскости интеллектуальной, т.е. осознанной, продуманной, рациональной деятельности человека, в отличие от чувственных настроений, эмоций, аффектаций.

Человек может испытывать необъяснимые для него чувства тревоги, печали, радости, тоски, фрустрации и т.д. Именно для такого комплекса феноменов лучше всего подходит термин “психологическое состояние”. Подобного рода чувства и аффектации не упорядочены смыслом, и поэтому не объяснимы как самим обладателем этого состояния, так и, тем более, внешним наблюдателем.

Упорядочение, или наделение смыслом, намерений, убеждений, целей начинается с их осознания, т.е. предполагают определенную рефлексию разумного человека по отношению к своим интенциям. Рефлексия как работа ума — отнюдь не только привилегия философа, рефлексия как осмысление своего внутреннего “я”, своих внутренних психологических состояний присуща любому разумному человеку. Другими словами, рефлексия, осознание наделяют мотивы и намерения определенным смыслом, т.е. переводят их с уровня психики на уровень сознания.

Осмысленная деятельность — это совершение акта поступания, делания со смыслом, с осознанием того, что я хочу, желаю, на что надеюсь, в чем нуждаюсь, во что верю и т.п. Именно потому, что в деянии намерения, убеждения, мотивы имеют смысл, они понимаются, “прочитываются” в речевом акте точно так же, как они “прочитываются” в предметной деятельности человека.

Важнейшая черта смысла, проявляемого в деятельности человека (и, конечно же, это относится и к речевому акту), — его планомерность и целесообразность. Действие устремлено на получение определенного результата, оно развивается по плану, где каждый шаг в его реализации приближает нас к цели. Поэтому о смысле говорят, что он рационален, продуман, спланирован, а об абсурде — что он иррационален, лишен смысла. Не случайно символом абсурда становится Сизифов труд — вечное стремление к недостижимой цели.

Как в предметной деятельности цепочка “цель — средство — результат” образуют гармонию, согласованность всех ее элементов, так и в речевом акте *мотив — намерение — цель — способ выражения* образуют единую смысловую цепочку.

Таким образом, в речевом акте наделены своим специфическим смыслом все его отдельные компоненты: мотив — как осознание нужды в чем-либо, намерение — как определившееся стремление действовать в соответствующем направлении, цель — как образ желаемого будущего (т.е. результата), план — как продуманная схема всей деятельности, направленная на получение конечного результата. И вместе с тем речевой акт объединяет все эти смыслы в едином деятельностном контексте — от мотива до конечного результата. В этом отношении речевой акт обладает целостным холистским смыслом. Именно потому, что существует эта наделенность смыслом речевого акта, его способны понимать слушающие.

В силу своей рациональности речевой акт подчиняется определенной коммуникативной логике, которая аналогична формальной логике, но все же существенно от нее отличается. Дж. Лакофф назвал ее “естественной логикой”, т.е. логикой естественного применения языка. Эта логика позволяет выявить *презюмции*, лежащие в основе речевого акта, и вывести из нее определенные *импликаци*. Следовательно, смысл всегда логичен в отличие от абсурда. Именно это мы и имели в виду, когда говорили об интеллигибельности смысла, его умопостигаемой сущности.

Свести понятие смысла к жесткой дефиниции — довольно трудная задача, поскольку смыслы наполняют собой потенциально бесконечное многообразие видов человеческой активности, будь то научное познание или обыденное общение, техническое творчество или нравственные искания, размышление о религиозных догматах или восприятие художественной литературы. Однако можно наметить то ассоциативное семантическое поле, которое окружает это загадочное понятие. Смысл — это всегда интенциональное, полагаемое, мыслимое, продуманное, имеющееся в виду, подразумеваемое.

¹ См.: *Фреге Г.* Смысл и денотат // Семиотика и информатика. М., 1977. Вып. 8.

² См.: *Кравец А.С.* Распутывая ариаднину нить (базисные понятия семантики) // Герменевтика в России. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. Вып. 1.

³ См.: *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика (синонимические средства языка). М., 1974 ; *Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.

⁴ См.: *Филлмор Ч.* Основные проблемы лексической семантики// Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып.12.

⁵ *Фреге Г.* Логические исследования. Томск, 1997. С. 25.

⁶ *Витгенштейн Л.* Философские работы. М., 1994. Ч. 1. С. 13

⁷ См.: *Кравец А.С.* Структура слова: от слова к предложению//Вестник ВГУ. Сер. 1, Гуманитарные науки. 2001. № 1.

⁸ См.: *Грязнов А.Ф.* Язык и деятельность. Критический анализ витгенштейнианства. М.: Изд-во. МГУ, 1991.

⁹ См.: Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17.

¹⁰ *Даммит М.* Что такое значение? // Философия, логика, язык. М.: Прогресс, 1987.

¹¹ Там же. С. 135.

¹² См.: *Остин Дж.* Избранное. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999; *Он же.* Слово как действие// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17.

¹³ *Остин Дж.* Избранное. С. 35.

¹⁴ См.: Там же. С. 26.

¹⁵ См.: Там же. С. 56.

¹⁶ См.: Там же. С. 45.

¹⁷ См.: Там же. С. 125—126.

¹⁸ Там же. С. 84.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 94.

²¹ См.: Там же.

²² *Серль Дж. Р.* Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. С. 158.

²³ Там же. С. 165.

²⁴ *Серль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. С. 172.

²⁵ Там же. С. 194.

- ²⁶ Там же. С. 174.
- ²⁷ *Гордон Д., Лакофф Дж.* Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 283.
- ²⁸ См.: Там же. С. 282.
- ²⁹ *Серль Дж. Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. С. 195.
- ³⁰ См.: Там же. С. 200.
- ³¹ См.: *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16.
- ³² *Серль Дж. Р.* Косвенные речевые акты..... С. 199—200.
- ³³ *Аллен Дж. Ф., Перро Р.* Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. С. 323.
- ³⁴ Там же. С. 328.
- ³⁵ Там же. С. 325.
- ³⁶ *Лакофф Дж.* Прагматика в естественной логике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16.
- ³⁷ *Витгенштейн Л.* Указ. соч. С. 21.
- ³⁸ *Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В.* Истоки, проблемы и категории прагматики (Вступ. ст.) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. С. 8.
- ³⁹ См.: *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.